

ПОВЕСТЬ

ПРОКЛЯТИЕ
ЖЁЛТОЙ
КЕПКИ

АНСТЕИ

18+

anstvl anstvl

Заречье. Проклятие жёлтой кепки

<https://litres.ru/74216711>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Заречье туман с болот по утрам забирается прямо во дворы и окна, старые дома хранят чужие тайны, а люди давно привыкли жить среди недосказанности.

Калина знает этот посёлок с детства. Летом она приезжала сюда из города, но всегда держалась в стороне от чужих разговоров и редко спрашивала о том, что её не касалось. Но здесь каждый знаком с каждым, и то, что однажды произошло, годами продолжает жить в разговорах, взглядах и недоговорённых фразах.

Теперь Калина приехала в Заречье уже насовсем и живёт здесь будто в полусне. Но сюда в очередной раз возвращается шабашник в выцветшей жёлтой кепке. Его встречают по-разному: одни вспоминают о его золотых руках, другие сжимают кулаки, а третьи предпочитают просто промолчать. В этот раз жёлтая кепка появляется там, где её раньше не ждали.

Но так ли страшен этот человек — или страшнее оказывается то, что годами все предпочитали не замечать?

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
ЧАСТЬ 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

anstvl

Заречье. Проклятие жёлтой кепки

*Иногда достаточно одного человека,
чтобы отравить целый посёлок,
но проклятием это становится
только с общего согласия.*

anstvl

ЧАСТЬ 1

Сырой май всюду заливал посёлок яркой зеленью. Лес поднялся плотно; ветки старых осин и берёз переплелись над дорогой так близко, что в пролеске стоял вечный полумрак. Земля под деревьями не просыхала, из-за чего в воздухе завис густой, плотный запах мокрой коры, пробудившейся болотной мошкеры и преющей травы вперемешку с дымом сырой берёзы.

Калина открыла глаза от резкого звука: в сених скрипнула половица под тяжёлым шагом матери — Нина уже возилась на кухне, гремя чугуном. Рядом бабка Агриппина тихо звенела жестяными кружками и негромко ворчала на облезлого серого кота, который нагло скрёб когтями угол комода и тре-

бовательно мяукал. За шторами сонно гудела первая крупная муха, застревающая в складках тюля.

Под кроватью, покрываясь слоем серой деревенской пыли, лежал длинный пластиковый тубус с дипломом строительного-архитектурного колледжа. Коробка в углу до сих пор была набита линейками, рейсшинами и запечатанными пачками ватмана. Четыре года чертежей, сопромата и планов типовой застройки так и остались пылиться в углу. Диплом оказался никому не нужен, и в итоге Калину занесло в душевную городскую типографию, за неимением более обдуманного варианта.

Калина уставилась в потолок, но взгляд сам собой соскользнул к этой коробке в углу. Стоило заметить оборванный край упаковочной ленты на ватманах, как мысли мгновенно утащили её назад, в город. В памяти с противной отчётливостью всплыл серый офисный гул, и перед глазами снова, как будто это было вчера, мертвенным светом загорелся монитор.

— Цвета бледнявые какие-то, — старший дизайнер скользнул пальцем по экрану, оставив жирный след. — Исправляй.

Калина помнила, как не двинулась тогда с места. Только сильнее сжала мышку — так, что пластик хрустнул, тяжело развернулась на стуле всем корпусом, выставив вперёд острые локти. Посмотрела на него снизу вверх, исподлобья, в упор. У дизайнера аж веко дёрнулось. Губы её едва заметно

шевелились, но она промолчала.

Через полчаса над ухом снова навис его тяжёлый силуэт, душливо пахнувший сигаретами. Он повысил голос, исходя на визг прямо при заказчиках, которые столичными франтами мялись у стойки:

— Ты куда смотришь вообще?! Самая умная тут, что ли?! Либо переделываешь нормально, либо уходи!

У Калины внутри всё вспыхнуло такой яростной, чёрной гарью, что захотелось просто разбомбить этот грёбанный офис, перевернуть мониторы и швырнуть клавиатуру ему в рожу. Но она даже головы не подняла, вжала пятки в линолеум, выпрямилась и сухо пробасила:

— Хорошо. Переделаю.

От её этого «хорошо» в комнате будто воздух застыл.

Один из клиентов робко шагнул к её столу, протягивая руку:

— Девушка...

Калина резко, судорожно вздрогнула всем телом, едва не свалившись с рабочего кресла. Мужчина растерянно моргнул, отступая на шаг:

— Мне... мне всего лишь ручку. Можно?

Калина молча толкнула к нему пластиковый стакан со стержнями и отвернулась к экрану. Отвечала клиентам строго односложно, занижая тембр до баса: «Да». «Нет». «Забирайте». И смотрела на них исподлобья с такой глухой ненавистью, будто эти люди припёрлись к ней домой без спроса,

натоптали в зале грязными сапогами и теперь чего-то ещё требуют.

В курилке она всегда выбирала место у стены, грея пальцы о картонный стаканчик с остывающим кофе.

Стоило ей подойти, чужие разговоры обрывались. Молодая менеджер из отдела продаж шушукалась с печатником у окна, косясь на её спину:

— Опять эта пришла... Слушай, она прошаренная какая-то, стрёмная. Работает как по линейке, комар носа не подточит, а Палыч всё равно нос воротит. Кто ж такое выдержит постоянно? Как будто травят девку. А она хоть бы пикнула — зыркнет только, как сыч, и молчит. С ней вообще разговаривать невозможно, аж мороз по коже.

Через минуту люди расходились, и они смеялись в коридоре так, будто её рядом никогда не было. Домой она возвращалась такой уставшей и злющей на всех и вся, словно весь день не работала, а сражалась с армией врагов.

Калина моргнула, стряхивая с себя этот морок. Воспоминание отпустило, оставив во рту горький привкус.

В свои двадцать два она уже как три месяца назад вернулась жить в Заречье на постоянной основе. После того как они с матерью продали квартиру в городе и спешно переехали, казалось странным, что здесь ничего не изменилось. На подоконнике всё так же стоял засохший алоэ. На стене висел календарь трёхлетней давности — Агриппина всё забывала его снять. Калина достала из сумки старый рабочий ноут-

бук, со стуком поставила на колченогий деревянный стол. На крышке осталась круглая наклейка типографии с оборванным краем. Калина машинально подцепила ногтем липкий уголок, но так и не стала отдирать. Экран вспыхнул белым, несколько секунд она просто смотрела на пустой рабочий стол, потом закрыла крышку и убрала его обратно в рюкзак.

Местная заправка у трассы, куда она устроилась в ночные смены, спасала — редкие сонные водители, тёмное окошко кассы и звенящая тишина. Там никто не лез в душу. Ей казалось, что именно так, в этой монотонщине, и должен жить человек.

Калина натянула старый вязаный свитер. Пальцы сами нашли крошечный катышек на рукаве, зажали его, стали крутить и катать между подушечками. Нина, не глядя в глаза, пододвинула к ней фарфоровую кружку с чаем. Калина посмотрела на её натруженные, покрасневшие от ледяной воды пальцы, под ногтями которых въелась тёмная огородная грязь, потом перевела взгляд на лицо — иссушенное, серое от усталости. Ей вдруг захотелось просто положить ладонь поверх материнской руки. Она даже чуть приподняла пальцы... но Нина уже отвернулась к плите.

— Нин, соли не забудь купить, — не поднимая головы, скрипнула из угла Агриппина.

— Помню.

— В прошлый раз тоже говорила «помню».

— Куплю, мам.

— Ну смотри.

Калина встала, взяла с подоконника треснувшую прихватку и переставила кастрюлю с огня, которую Нина забыла снять.

Нина только устало посмотрела на плиту:

— Совсем голова дырявая стала...

— Бывает, — ответила Калина.

На холодильнике магнитом была прижата квитанция за электричество. Калина машинально сняла её, достала из кошелька две тысячные купюры и положила на кухонный стол.

— Мам, за свет заплати сегодня, пожалуйста.

— Заплачу, — тихо отозвалась Нина.

На углу стола коротко пискнул телефон, высветив сообщение от Ярослава: «Доброе утро, я на работе». Калина подержала палец на стекле. Набрала в ответ: «Хорошего дня». Замерла, глядя на буквы, а потом одним махом всё стёрла. Ткнула в серый силуэт сердечка на его сообщении, и оно тут же вспыхнуло под её подушечкой багровым цветом. Калина погасила экран и сунула телефон в карман ветровки.

Через двадцать минут она уже выкатывала свой старый бордовый горник из дощатого сарая. Седло было влажным от ночного тумана, она вытерла его ладонью. Велосипед под ней поскрипывал на кочках, но Калина уверенно давила на педали всей тяжестью плотного, накачанного корпуса. Широкие плечи под курткой перекачивались упруго; за годы таскания тяжестей и работы руками она набрала крепкую, упрямую

силу, которая в связке с лёгкой полнотой и невысоким ростом делала девушку похожей на грузного плюшевого медведя. Тёмная коса — от затылка до самых ягодич — моталась в такт колдобинам, задевая с шелестом плотную ткань ветровки. Веснушки на переносице зудели от мошкары.

Посёлок медленно просыпался. Тётка Марина у крайнего дома яростно вытряхивала на заборе тяжёлый пёстрый половик, поднимая облака пыли. Навстречу попался дед Михаил, правивший тележку с бидонами: завидев Калину, он приветливо махнул ей узловатой рукой, и она коротко, сдержанно кивнула ему в ответ, не замедляя хода. У канавы двое мальчишек ловили головастика в банку из-под майонеза. Один что-то азартно закричал, второй тут же плюхнулся коленями в грязь.

Вскоре дорожка вывела к началу пролеска между улицей и садовым товариществом. Колёса мягко катились по сырому деревянному настилу, который прогибался над чёрной размокшей землёй. Он уходил прямо вперёд, к дачным участкам, за которыми едва слышались гудки редких фур, проезжающих по шоссе. А чуть левее круто сворачивала узкая земляная тропка, заросшая крапивой и лопухами. Она вела мимо старых кустов лещины туда, куда никто из соседей почти никогда не ходил — просто глухое пятно леса посреди дач. Там пахло гниющей травой и сыростью застоявшейся болотной воды.

Возле одного дома было оживлённо. Калина ещё издалека

заметила Рустама, он помогал какому-то местному мужику закидывать в кузов старого уазика тяжёлые мешки с цементом. Смуглый, с изрезанным мелкими морщинами у глаз лицом, он двигался легко и сноровисто. Подхватывал пятидесятикилограммовый мешок за углы, играючи вскидывал на широкое плечо и снизу вверх заглядывал в кузов, ловя каждое слово хозяина машины. Мужик довольно хлопал его по плечу, а Рустам в ответ скалил зубы в широкой улыбке, громко, во весь голос хохотал над его шутками и охотно тянулся за следующим мешком, предупредительно перехватывая его поудобнее, чтобы хозяин не перетрудился.

На нём была старая синтетическая куртка, от которой веяло залежалым вещевым рынком, а на голове — вылинявшая тряпичная кепка ядовито-жёлтого цвета с надломленным посередине козырьком. К багажнику его велосипеда, как и всегда, был привязан потрёпанный серый мешок. Бывало, вместо него он приматывал к раме метлу или газонокосилку.

Калина прибавила ходу, надеясь проскочить мимо, но Рустам уже обернулся. Заметив её, он тут же бросил работу, на ходу вытирая пот со лба, перехватил свой велосипед и покатил наперерез.

Старый «Аист» выкатился из-за поворота со знакомым металлическим дребезжанием. Рустам восседал на нём вальяжно, высоко поднимая колени. Раньше он ошивался тут с апреля по ноябрь каждый год, Калина встречала его иногда, когда приезжала в поселок на каникулы, но обычно он про-

пылит мимо, походя бросит дежурный привет, махнёт рукой или комплимент какой подкинет — и только его и видели. Калина в прошлые годы реагировала на него демонстративно: едва завидев жёлтую кепку, разворачивалась на сто восемьдесят градусов и уходила прочь, игнорируя всё, что летело в спину. Подростком могла со смешком буркнуть под нос короткое «идите в жопу» или злорадно ткнуть в его сторону средний палец. Но сейчас он вёл себя как-то иначе.

Рустам резко крутанул руль влево, преграждая дорогу — переднее колесо «Аиста» с тяжёлым стуком врезалось в её крыло. Калина резко нажала на тормоз, что велосипед дёрнулся. Она даже не успела поставить ногу на землю, как он навалился грудью на свой руль, почти касаясь плечом её ветровки. Отступать было некуда, проход между кустами лещины заблокировало намертво.

Из-под надломленного козырька кепки смотрели тёмные, неподвижные глаза, никак не вязавшиеся с его недавней улыбкой около уазика. От Рустама пахло тяжёлым, едким парфюмом, смешанным с потом — запах был таким, будто кто-то прямо тут распылил дихлофос.

— Красавица, привет... Калина, да? — Рустам прищурился. — О-о-о, ещё красивее стала. Куда летишь, красавица?

Калина крепче сжала руль, чувствуя, как цепенеют пальцы. Навалился застарелый, родом из детства глухой страх. Ей было шесть лет, когда Рустам крутился у них во дворе, строил террасу. Однажды, пока взрослых не было рядом,

он насыпал ей, маленькой, полные горсти холодных ржавых гвоздей прямо за шиворот. Гвозди кололи спину, она ойкала, а он стоял рядом, привалившись к забору, и противно, мелко хихикал.

Из той же детской памяти вынырнул и соседский трёхцветный кот. Калина тогда весь день ревела по канавам, разыскивая его, а Рустам просто сидел на крыльце и лениво плевал шелуху семечек под ноги. Только под вечер он со смешком распахнул полы грязной куртки, выпуская зажатого подмышкой притихшего кота, и весело крикнул ей: «Эй, малая, не этого ищешь?»

— Каталась, домой уже собираюсь, — спокойно ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Домой... Дома скучно, со мной не скучно будет. Телефон дай ватсап, а? Я писать буду, стихи, картинки красивые. Давай, скажи номер, красавица.

К горлу подкатила знакомая городская тошнота. Рустам стоял слишком близко, дышал в лицо. Пальцы Калины сами разжались на руле, она назвала код оператора, затем первые цифры. Ей вдруг стало интересно, что он будет делать дальше. В его словах было столько уверенности и одновременно столько нелепости, что она почти перестала воспринимать его всерьёз.

Рустам торопливо вытащил из кармана старый пошарпанный смартфон с паутиной трещин через весь экран, вбивая данные узловатым пальцем и шумно дыша через нос.

— Ну всё, жди, писать буду, — тихо сказал он, наконец прокрутил педаль назад и освободил дорогу.

Калина резко нажала на педали и поехала дальше, не оборачиваясь.

Когда она вошла в дом, Агриппина сидела у окна и перебирала серую гречку на старой газете. Нина стояла у стола спиной к ним и молча чистила картошку, сбрасывая кожуру в ведро.

— Рустам в посёлок припёрся, — глухо бросила Калина, проходя к раковине. — На велике у пролеска торчал.

Агриппина замерла. Её пальцы, держащие чёрное зёрнышко, на секунду зависли над столом. Потом старуха медленно повернула голову к окну, лицо её перекосилось, и она яростно, с отвращением сплюнула на крашеный пол, прямо возле кошачьей миски.

— Явился, кобель облезлый, — проворчала она скрипучим голосом. — Опять у дачников тереться будет, глаза мозолить, гроши выманивать. Дачники-то новые рот разевают, нарадоваться на него не могут: «Ой, какой вежливый, ой, какой непьющий, за копейки всё сделал!» Тьфу, дураки городские. Да и наши хороши... Михеевым вон сарай поправил — они и рады, а что он инструмент у них же из пристройки увёл? Хватились, зажали его в углу, когда он чужую болгарку под ветошь в малиннике припрятывал, а у него одно оправдание: «Я просто посмотреть взял, себе такой же хотел купить!» Тьфу! Мало он у нас двести тысяч содрал за

террасу? Сколотил халабуду без единого ровного угла, доски щелястые положил, крыша в первый же дождь потекла — и свалил! Если б не Витька-сосед, мы бы ту зиму в обнимку с сугробами куковали. А этот хоть косо-криво, утащит что под руку подвернётся, а сарай поднимет. Вот и терпят его.

Старуха зашуршала крупой по столу, сгребая очищенное зерно в чугунок. Она помолчала, шумно втянула носом воздух, а потом заговорила тише, но ещё злее:

— Не курит, не пьёт, харам ему, вишь ты, по религии не положено. А как девок окручивать вокруг магазина — так эта его вера куда девается. Иду я как-то с сумкой, тяжело мне, ноги подкашиваются, а он чешет следом на своем лиса-педe и воет своим этим голосом противным, как червяк в ухо лезет: «Агриппина Марковна, мне тут жениться надо, очень надо. Прописка нужна местная. Мне всё равно на ком, хоть на тебе, или на Нине, или на внучке твоей, красивая внучка, я подожду пока она вырастет, лишь бы штамп в паспорте был» ... Тьфу ты, прохиндей! Ни стыда, ни совести...

Нина коротко подняла голову от ведра с картошкой, посмотрела на старуху:

— Мам...

— Чего?

— Хватит уже.

Агриппина только фыркнула и снова зарылась пальцами в крупу.

Калина стояла у рукомойника, держась пальцами за хо-

лодный железный вентиль, пока вода капала в раковину. Между досками террасы всю зиму белела узкая полоска снега. Она не таяла даже днём. Жёлтая кепка заслонила собой всё остальное. Будто Рустам снова стоял прямо перед ней. Калина зажимала вентиль всё сильнее, пока пальцы не побелели.

Она выдохнула и налила бабке свежего кипятка в кружку. Агриппина покосилась на неё одним глазом, ничего не сказала, только придвинула кружку к себе поближе и снова уставилась в гречку.

Вечером, когда небо над Заречьем окончательно потемнело и с болот пополз густой туман, телефон на подоконнике ожил. Экран слабо вспыхнул в полумраке, высветив короткую строчку:

— чиво делаешь

Калина, не поднимая головы, просто перевернула его стеклом вниз. Через несколько секунд подоконник снова коротко загудел. Калина открыла уведомления:

— чиво малчиш

И спустя паузу:

— ты где

Она не шевельнула ни одним мускулом.

Из кухни донёсся тихий, бесшумный голос Нины:

— Калин, будильник поставила?

— Да — отозвалась Калина.

— Не проспй смену.

— Не просплю.

Будильник на девять вечера уже был заведён. Калина закрыла глаза. За окном, где-то далеко на поселковой улице, протяжно скрипнуло железо — то ли ветка, то ли велосипед на дороге кто-то вёл по гравию, или ей только показалось.

ЧАСТЬ 2

Ночная смена начиналась в десять вечера и тянулась до шести утра. Всё это время Калина сидела за толстым защитным стеклом в холодном неоновом свете, который заливал кафельный пол ровным, режущим глаза, безжизненным сиянием. Лампы под потолком едва слышно, нудно зудели. Снаружи стояла плотная майская темнота, в которой тонули редкие фары пронесившихся по трассе фур. У фонарей над бензоколонками тучами бились комары и крупные ночные бабочки, с сухим стуком ударяясь о пластиковые плафоны.

Ночью здесь было правильно. Машины приезжали редко, иногда за целый час кассовое окошко даже не открывалось. Только холодильники ровно гудели за спиной, термопот щёлкал, нагревая воду, а дождь или ветер стучали по козырю над колонками. Нина дома наливала ей кипяток перед уходом, и здесь Калина первым делом заваривала себе кружку крепкого чёрного чая или кофе. Положив подбородок на ладони, она часами смотрела на пустую дорогу и замечала, что напиток остыл, только когда стакан становился ледяным. Никто не задавал лишних вопросов, не пытался разговорить, не поучал и не отчитывал при всех: заплатил — уехал. И снова становилось тихо.

Около полуночи заехал хмурый дальнобойщик в грязной штормовке, протянул в лоток термос, попросил долить ки-

пятку до краёв и уехал — только хлопнула тяжёлая дверь грузовика.

Тётя Маша, заправщица, грузная женщина в форменном жилете поверх тёплой кофты, ушла в дальний конец территории принимать пустую тару. Перед уходом она, как обычно, грохнула тяжёлым засовом, заперев входную стеклянную дверь торгового зала изнутри на замок.

Около двух часов ночи к заправочному островку из темноты пролеска, тихо скрипя несмазанной цепью, подкатил велосипед.

Рустам небрежно прислонил ржавый «Аист» к бетонному бордюру у второй колонки. Шёл вразвалочку, широко расправив плечи. Вылинявшая жёлтая кепка была надвинута на самые брови, а куртка жирно лоснилась под неоном. Увидев Калину за стеклом, он привычно прищурился, собирая мелкие морщины у глаз в гармошку.

Калина на секунду задержала ладонь на столешнице, пока костяшки пальцев не побелели, потом отпустила.

— О-о, Калина-а... — протянул он, наклоняясь всем телом к окошку и упираясь ладонями в металлическую стойку. — Здравствуй, красавица моя. Кофе горячий сделай, а? Ты же добрая девушка. Холодно ночью кататься, замёрз немного.

— Сто рублей, — ровно сказала Калина, не глядя на него. Рустам шумно крикнул, картинно похлопал себя по карманам куртки — с обиженным видом человека, которого

несправедливо оскорбили, — но всё же выудил из нагрудного кармана засаленную сотню. Пока Калина нажимала на кнопку термопота и тонкая струйка лилась в бумажный стакан, Рустам облокотился на стойку, почти прижавшись лицом к переговорному устройству, поправил козырёк жёлтой кепки узловатым пальцем с чёрной трещиной на ногте.

— Ты какого тут забыл в два часа ночи? — спросила с усмешкой Калина, протягивая руку к стакану.

Рустам на секунду осекся, моргнул, но тут же расплылся ещё шире, восприняв вопрос как внимание к себе:

— Тебя, красавица, увидеть хотел... Слушай, у меня тут объект большой в районе начался. Фирма серьёзная, московская, я там сам всё веду, за старшего. Деньги хорошие идут, очень хорошие деньги. Машину думаю брать к осени, давно уже пора. Хорошую машину возьму, дорогую.

Калина посмотрела на его потрёпанные тряпичные кроссовки, забрызганные засохшим цементом. Со стуком поставила горячий стакан в лоток. Рустам взял кофе, шумно, с причмокиванием отхлебнул, но от окошка не двинулся. Он продолжал говорить — врал про мифический объект, про прораба-москвича, который ему завидует, про то, что таких золотых рук во всём Заречье больше не найти. Калина слушала его молча, глядя чуть ниже глаз — на глубокие морщины у шеи, серую дорожную пыль в складках кожи, обтрёпанный воротник куртки. Остывший за это время собственный чай она машинально вылила в раковину под стойкой.

Потом Рустам вдруг замолчал, словно наткнулся на невидимую стену, аккуратно поставил недопитый стакан на самый край металлической стойки и придвинулся лицом вплотную к сеточке динамика. На стекле от его дыхания выросло круглое влажное пятно. Его голос сполз в хриплый, свистящий скрежет, искажаясь через микрофон:

— Скучно тебе тут одной ночью сидеть, да... Такая красивая девушка, как ягодка, и в темноте одна. Сама как конфетка сладкая. Глаза у тебя красивые, ух... Фигура хорошая у тебя. Приходи ко мне в сарай, когда смена кончится, отдохнёшь нормально. Я умею делать, чтобы приятно было, красавица, обнимать, целовать тебя хочу. Я тихо буду, аккуратно, никто не узнает...

Голос канючил, лез во все щели, кожу на шее будто обдало грязной сыростью. Калина смотрела на Рустама и вдруг подумала, что ей даже интересно, в какой момент он сам поймёт, насколько нелепо выглядит. Рядом на стойке стоял точно такой же запасной стакан с горячим кофе, налитый для воображаемого следующего клиента. Калина схватила стакан, рывком сдвинула створку, коротким яростным движением руки выплеснула кофе ему в лицо и тут же вогнала раму в пазы и закрыла на защёлку.

Горячая струя ударила ему точно в глаза. Рустам сдавленно фыркнул и отшатнулся назад, едва не завалившись вместе с велосипедом. Автоматический термопот строго работал на шестидесяти градусах, поэтому ожога не было, но неожидан-

ность удара сделала своё. Он бешено зашипел сквозь зубы, схватился ладонью за мокрое лицо. Он даже не выглядел злым, только растерянным — будто она нарушила какие-то понятные лишь ему одному правила игры. Капли стекали по смуглой щеке, подбородку и пачкали ядовито-жёлтый козырёк кепки, расплываясь грязным коричневым пятном.

— Ты чего... — выдавил он через стекло, хватая ртом воздух и размазывая грязь по лицу. — Ты чего делаешь... я же тебя люблю...

Калина смотрела на него ровно, плоско, не мигая.

— Кофе закончился, Рустам, — отчётливо сказала она в динамик. — Всего доброго.

Рустам стоял у окна, утираясь рукавом, и сквозь капли на его потемневшем лице проступило глупое, самодовольное недоумение.

— Ты дерзкая, — выдохнул он. — Мне нравится.

Потом он медленно, словно нехотя, отлип от заправочного островка, грубо рванул на себя ржавый руль велосипеда и укатил обратно в темноту просеки, даже не оглянувшись. Одинокий скрип несмазанного колеса ещё долго растворялся за поворотом трассы.

— Вот же припёрся, придурок... — глухо процедила Калина в пустую каморку, наконец разжимая задеревеневшие пальцы.

Как только силуэт Рустама окончательно растворился в темноте, она быстро взяла рулон бумажных полотенец,

щёлкнула замком, толкнула тяжёлую дверь и вышла на заправочный островок. В нос сразу ударил сырой, холодный майский воздух, пахнувший бензином и близким болотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.